

DOI: 10.12731/2658-6649-2021-13-1-297-314

УДК 316.346

ИНКЛЮЗИВНЫЙ ПОДХОД В РАБОТЕ С ПОЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ. МОДЕЛИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ГЕРОНТОЛОГИЧЕСКОГО ЭЙДЖИЗМА

Т.В. Фуряева, Л.Г. Климацкая, Е.А. Фуряев, А.И. Шпаков

Цель. Выявить и проанализировать особенности инклюзивного подхода в интегрированной медико-социальной помощи пожилым людям в рамках концептуальных моделей преодоления геронтологического эйджизма в разных странах.

Результаты. Проанализированы результаты актуальных отечественных и зарубежных исследований по проблеме преодоления возрастной дискриминации, выявлены пять концептуальных моделей социальной инклюзии (социально-экологическая, интеракционистская, ресурсно-потенциальная, модели социального пространства и социального участия), раскрыто их сущностное содержание и возможности применения в реальной социальной практике работы с пожилыми людьми.

Заключение. Инклюзивный подход при решении проблемы преодоления геронтологического эйджизма в работе с пожилыми людьми в разных странах находит свое отражение в наличии разнообразных концептуальных интегрированных моделей. Их выявление и анализ содержания свидетельствует об актуализации социально-политических и организационных задач по раскрытию, усилению личностного потенциала пожилых людей, по обеспечению доступности социальной и пространственной среды проживания. Полученные результаты компаративистского анализа свидетельствуют о необходимости и возможности применения инклюзивного подхода в интегрированной медико-социальной помощи пожилым людям для улучшения качества их жизни.

Ключевые слова: пожилые люди; инклюзия; концептуальные модели преодоления геронтологического эйджизма

Для цитирования. Фуряева Т.В., Климацкая Л.Г., Фуряев Е.А., Шпаков А.И. Инклюзивный подход в работе с пожилыми людьми. Модели преодоления геронтологического эйджизма // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2021. Т. 13, № 1. С. 297-314. DOI: 10.12731/2658-6649-2021-13-1-297-314

INCLUSIVE APPROACH IN WORKING WITH THE OLDER PEOPLE. MODELS FOR OVERCOMING GERONTOLOGICAL AGISM

T.V. Furyaeva, L.G. Klimatchaia, E.A. Furyaev, A.I. Shpakou

Aim. *To identify and analyze the features of an inclusive approach in integrated medical and social care for older people within the framework of conceptual models for overcoming gerontological ageism in different countries.*

Results. *The results of current domestic and foreign studies on the problem of overcoming age discrimination are analyzed, five conceptual models of social inclusion (socio-ecological, interactionist, resource-potential, models of social space and social participation) are identified, their essential content and possibilities of application in real social practice of working with older people are revealed.*

Conclusion: *An inclusive approach to solving the problem of overcoming gerontological ageism in working with older people in different countries is reflected in the presence of various conceptual integrated models. Their identification and analysis of the content indicates the actualization of socio-political and organizational tasks to reveal and strengthen the personal potential of older people, to ensure the accessibility of the social and spatial environment of living. The results of the comparative analysis indicate the need and possibility of using an inclusive approach in integrated medical and social care for older people to improve their quality of life.*

Keywords: *gerontological ageism; elderly people; inclusion, models of overcoming ageism*

For citation. *Furyaeva T.V., Klimatchaia L.G., Furyaev E.A., Shpakou A.I. Inclusive Approach in Working with the Older People. Models for Overcoming Gerontological Agism. Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture, 2021, vol. 13, no. 1, pp. 297-314. DOI: 10.12731/2658-6649-2021-13-1-297-314*

Введение

Признание необходимости кардинальных изменений в отношении к людям пожилого возраста со стороны Российского государства и общества является основанием для реформирования всей системы социальной политики. Теоретические основы изменений заложены в «Концепции демографической политики на период до 2025 года», государственной программе Российской Федерации «Социальная поддержка граждан» и в «Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года»

[18]. Главный акцент в базовых документах реформы сделан на артикулировании позиции государства по отношению к пожилым людям как хранителям культурного наследия, духовно-нравственных ценностей, обеспечивающим связь и преемственность поколений. В «Стратегии действий» особо подчеркивается возрастание рисков социальной эксклюзии (исключения) пожилых граждан в связи с новыми социально-экономическими и технологическими вызовами. Это делает необходимым кардинальный пересмотр принципов медико-социальной помощи людям пожилого возраста, предполагающий ориентацию на интегрированный и межпоколенный характер, усиление добровольчества, обеспечение высокой степени участия государства совместно с общественными структурами в разработке и финансировании оздоровительных, образовательных, информационно-коммуникационных, познавательных и досуговых проектов и программ. Главный смысл государственной социальной политики в РФ заключается в продлении активного долголетия, защите человеческого достоинства, повышении ценности личности пожилого человека как субъекта, способного принимать решения и нести ответственность за качество своей жизни.

Анализ различных стратегий социальной политики по отношению к пожилым в европейских странах также свидетельствует об особом внимании к этой проблеме. Так, Федеральное министерство труда, социальных дел, здравоохранения и защиты потребителей Австрии предлагает комплексную план-программу для пожилых людей [22]. В ней суть политики государства по отношению к пожилым формулируется как обеспечение и улучшение качества жизни, связанное как с объективными условиями, так и субъективным отношением, удовлетворенностью оказания медико-социальной помощи и благополучием. Особая роль принадлежит снижению неравенства и дискриминации при помощи углубления принципа солидарности и усиления социальной интеграции (инклюзии). Подобные идеи характерны для программы Федерального министерства по делам семьи, пожилых граждан, женщин и молодежи Германии [17]. В ней указывается, что коренной задачей современной социальной политики государства является обеспечение участия, инклюзии и самоопределения пожилых людей. Акцент ставится на организацию собственной жизнедеятельности, выбор адекватных ее форм, умение приспособиться к изменениям и новым вызовам. Таким образом, подтверждается становление новой концепции жизни пожилых людей, конструирование в обществе образа продуктивной старости, возрастной жизнеспособности и продление возможности проживания с ощущением своей ценности и востребованности.

Особая значимость поиска противопоставления глобальному вызову для пожилых людей обусловлена возрастной дискриминацией, которая находит свое отражение в пренебрежительном, прагматическом отношении, в значительном распространении негативного общественного сознания (установки, стереотипы, навязанные конструкты старости как обузы), в дискриминационных практиках как со стороны родственников, специалистов (медицинских, социальных работников), так и со стороны самих пожилых (попустительство и самодискриминация) [3, 6, 18].

Общество заинтересовано в активизации и использовании потенциальных возможностей людей старшего поколения, в развитии у них позитивной мотивации получения нового социального опыта, который обеспечивает социальную защиту, развитие, сплоченность и социальную безопасность. Это возможно только при условии активного формирования позитивного образа современного пожилого человека как в самосознании, так и в отношении со стороны всего общества. Отечественные и зарубежные исследователи едины в том, что необходима серьезная системная работа по преодолению открытых и скрытых негативных установок, пренебрежительного отношения вместе с негативными практиками, реализуемыми на основе возрастной стереотипизации и избегания [5] в сфере повседневности, трудовой занятости, социальной и культурной жизни, здравоохранении, образовании, т.е. того, что Роберт Батлер определил как эйджизм по возрастному признаку [13].

Исследователи и специалисты в области гериатрии и геронтологии определяют в качестве основной задачи общества по преодолению геронтологического эйджизма официальное признание этого феномена в профессиональном и быденном сознании, а также изучение и выделение различных механизмов дискриминационных практик [1, 3].

Не менее важным является просвещение всех групп населения, обучение специалистов и родственников, организация процесса включения (социальной инклюзии) людей старшего возраста в разнообразные сферы жизнедеятельности общества (О.Н. Старцева, А.Н. Ильницкий, Л.В. Колпина, О.В. Краснова, А.Г. Лидерс и др.) [1, 5, 7].

Цель

Раскрыть сущность социальной инклюзии, выявить особенности инклюзивного подхода в интегрированной медико-социальной помощи пожилым людям с учетом разнообразных моделей преодоления геронтологического эйджизма, получивших распространение в разных странах.

Материалы и методы

Методология исследования базируется на идеях отечественной компаративистики, реализующей описательную, объяснительную и прогнозирующую функцию гуманитарного знания на базе методологии личностного, деятельностного и культурно-исторического подходов. Методическую базу исследования составляют методы феноменологического описания, интерпретации, сопоставления, индуктивного, гипотетически-индуктивного, проблемного и сравнительного анализа трудов ведущих исследователей, а также соответствующей документации разного уровня за последние десять лет.

Результаты

Изучение данных актуальных научных исследований по проблеме преодоления возрастной дискриминации свидетельствует о преобладании концепции социальной инклюзии в разносторонней работе с пожилыми людьми, что предполагает улучшение качества жизни.

Предварительно нами было проведено фундаментальное компаративистское исследование по выявлению концептуальных моделей социальной инклюзии в образовании и раскрытию специфики инклюзивных практик на различных этапах возрастной периодизации населения в европейских странах [9, 10]. Понятие «социальная инклюзия» применительно к социальной сфере было первоначально использовано в исследованиях в Англии и Франции такого социального феномена как бедность. Под этим термином понимается совокупность процессов, предполагающих вовлечение и активное участие индивидов в общественную жизнь, в процесс принятия решений во всех сферах жизнедеятельности. Понятие социальной инклюзии по отношению к гражданам старшего поколения помимо таких характеристик как социально-экономическое благополучие, социальные связи, включает такие аспекты как качество жизни, личное участие в общественных системах и организациях. Речь идет о праве на доступ к образованию, повышению квалификации, участию в политических выборах. Благодаря обеспечению такой «общественной принадлежности» происходит развитие личностного потенциала пожилого человека. т.е. его самоопределение, независимое поведение и участие.

Активное становление концептуальных моделей социальной инклюзии чаще происходит применительно к лицам старшего возраста, испытывающим дискриминацию и нарушение их прав. Среди моделей наиболее популярными являются социально-экологическая, интеракци-

онистская, а также модели социального пространства, социального участия, ресурсно-потенциальная (Г. Райзер, А. Зандер, А. Айхлер, Г. Хольц, З.П. Замаева, О.С. Котыченко, В.И. Новоселов и др.) [2, 24, 26, 27, 31]. *Интеракционистская модель социальной инклюзии* [16] рассматривает характер отношений человека с окружающей средой. Взаимодействие с ней происходит на четырех уровнях: интерпсихическом, интеракционистском, институциональном и общественном. Интерпсихический уровень инклюзии касается преодоления противоречий внутри личности, которая должна осознать свои особенности на данном возрастном этапе, найти новые смыслы, воспринять себя как ценностную, значимую личность, заняться «самоконструированием» и «самостроительством». Конструирование образа продуктивной старости представляет собой индивидуальную личностную проблему по активизации собственного потенциала человека, по мотивированию его к рефлексии себя и к побуждению изменить образ жизни, который касается вопросов питания, отдыха, характера деятельности, сферы отношений, отношения к себя в целом. При этом следует учитывать разные возможности, ресурсы и компетенции, которые обычно неравномерно распределены в популяции пожилого населения.

На интеракционистском уровне инклюзия осуществляется между разными индивидами, которые включаются в совместные действия и учатся «социально выравниванию», фиксации противоречий и нахождению возможностей единения. Институциональный уровень инклюзии характеризуется специальной организацией интеграционных процессов на базе определенных теоретических концепций, использованием определенных реабилитационных технологий в учреждениях социального обслуживания (например, технология долговременного ухода для маломобильных граждан пожилого возраста). Здесь важно обеспечение специальных материально-технических и кадровых условий инклюзии людей с разными возможностями. Для общественного уровня инклюзии характерно положительное отношение разных слоев общества к включению пожилых людей в общественную жизнь. Речь идет в значительной степени о создании правового пространства для реального преодоления противоречий между желаниями индивида включиться в жизнь общества и традиционно существующими тенденциями дистанцирования по отношению к пожилым. Успешность инклюзии зависит от взаимодействия всех четырех уровней. В целом инклюзия как выравнивание, сближение и одновременное дистанцирование представляет собой сложный динамичный процесс. Здесь очень важен аспект углубления индивидуального, плюрализации обще-

го, усиления многообразия. Не случайно многие современные западные исследователи рассматривают инклюзивный подход в контексте теории многообразия [19].

Социальная практика взаимосвязана с реальным многообразием членов общества и ставит перед собой задачу достижения баланса между равенством и различием, построения общности в многообразии. Рост плюрализма потребностей («радикальной плюрализации») общественной жизни отражается в индивидуальной жизни каждого члена общества и делает задачу обеспечения равноправия в различии и многообразии достаточно сложной. Не случайно современные исследования инклюзивного метода обращены к разным параметрам интеграции/инклюзии: сближению, отграничению, сохранению различий и развитию общего (одинакового).

Социально-экологическая модель [30] обращена к самой социальной реальности. Здесь речь идет о диагностике жизненной ситуации человека в социуме. Базируясь на идеях социальной (экологической) психологии американского ученого У. Бронфенбреннера, автора экологической теории развития человека, социальное окружение или среда жизни понимается не как аддитивная совокупность различных факторов, а как их системное объединение, как совокупность разноуровневых социальных подсистем (микро-, мезо-, экзо и макросистем). Применительно к проблематике преодоления геронтологического эйджизма, микросистема это непосредственное (каждодневное и интенсивное) взаимодействие, контактирование пожилого человека с близкими ему людьми в кровной или замещающей семье, в стационарном отделении социального учреждения. Мезосистема включает несколько взаимодействующих микросистем, участником которых является пожилой человек (семья, полустационарное учреждение, надомное социальное обслуживание, учреждения образования, культуры, здравоохранения, спорта, туризма, торговли, городской или сельской среды обитания). В качестве экзосистемы выступает система профессиональных отношений в социальном учреждении (образование, установки практических работников, их владение инновациями, мотивация, имидж учреждения). Макросистема охватывает целостную социо-экономическую ситуацию в регионе, стране, в целом политику по отношению к старшему поколению, культурные, национальные, религиозные традиции.

Анализ современного научного инклюзивного дискурса в исследованиях проблемы возрастной дискриминации пожилых членов общества свидетельствует об активной разработке *модели социального пространства* [23, 24], в которой базовым понятием является сам термин «социаль-

ное пространство», связанный с местом проживания пожилого человека (имеется в виду жилье, инфраструктуры, связанные со снабжением, здоровьем, социальным обслуживанием, свободным временем, культурой, информированием, консультированием, встречами, коммуникацией). Наличие дефицита основных составляющих, затрудненный доступ к ним рассматривается как объективный фактор, не обеспечивающий возможность равноправного общественного участия и самоопределения. Понятие социального пространства, по мнению немецких ученых А. Кессля и Б. Ройтлингера [27], можно рассматривать как «пространство, сконструированное действующими субъектами». В рамках данной модели социальной инклюзии с целью преодоления возрастной дискриминации пожилых для нас особый интерес представляют результаты солидного практико-ориентированного исследования, проведенного учеными Дюссельдорфского университета (Германия) в течение трех лет [27]. В нем принимали участие 554 пожилых жителя пяти микрорайонов г. Дюссельдорфа (земля Северный Рейн-Вестфалия, Германия). Ученые использовали разнообразные методы исследования, в частности, помимо анкетирования и интервьюирования, субъективные географические карты, индивидуальные инфраструктурные таблицы, в которых отмечались места культурного отдыха, спорта, прогулок, транспортные маршруты, магазины, рынки, аптеки, поликлиники и др. В качестве причин наибольшей привязанности (идентификации) себя с местом проживания респонденты в 62,9% случаев называли соседей, в 52,9% – друзей и знакомых, в 47,9% – доступную, удобную и знакомую инфраструктуру. В результате сделан аргументированный вывод о том, что качество жизни в возрасте зависит не только от собственного самочувствия, от умственной и физической мобильности, от семейных связей и возможностей как можно дольше жить в знакомой обстановке, но прежде всего от возможностей общественного участия по месту проживания и как следствие характера и успешности социальной инклюзии. В качестве основных характеристик социального пространства проживания пожилых людей рассматривается его направленность на удовлетворение повседневных нужд в поддержке здоровья, физического состояния, в деятельности, в общении с близкими, чужими людьми, с природой, а также обеспечение возможности участия в принятии административно-управленческих и политических решений, касающихся повседневной жизни. С возрастом жилое пространство и социальное пространство приобретают еще более выраженное значение. Так, выделяют три типа жизненного пространства – квартира или место непосредственного физического прожи-

вания, окружение квартиры, близлежащее и периферийное пространство. По мнению К. Блека и А. Ван Рисен [27], реализация пространственно-ориентированной модели означает «инклюзивное» изменение содержания социальной работы с пожилыми, которая должна строиться с учетом индивидуальных потребностей людей, на стимулировании имеющегося потенциала. Все жилые пространства должны быть «культурно сензитивными», развиваться с ориентацией на участие людей разных поколений. Речь идет о характере жилой застройки микрорайонов, об улично-дорожной городской сети города, об устойчивой транспортной системе, об объектах инженерной инфраструктуры, об экологически безопасной среде. В качестве возможных партнеров социального пространства выступают социальные, медицинские учреждения, специальные интеграционные службы, региональные союзы (религиозные, национальные), муниципальное управление, волонтерские центры, группы самопомощи, благотворительные фонды, учреждения общего и профессионального образования, высшие школы, полиция, учреждения торговли, коммунального обслуживания, питания, общественные организации, например совет пенсионеров и др.).

Интересным является выделение в социальном пространстве уровней социальной инклюзии: культурного, структурного и практического. На культурном уровне необходимы доверительные отношения всех участников, ценностное отношение к их ресурсам, артикулирование границ участия, четкая формулировка общей цели и задач для каждого партнера, популяризация образа продуктивной старости, развитие сензитивности к жизненной ситуации пожилого человека со стороны всего населения микрорайона. Важным является также организация совместных регулярных встреч руководителей структур, нахождение источников финансирования и новый «инклюзивный» взгляд на содержание профессиональной деятельности социальных работников.

Вопросы финансовой поддержки должны активно решаться на структурном уровне. Это касается не только активного проектно-целевого характера, сколько постоянной, упорядоченной системы финансирования, расширения государственных (региональных) программ типа «Инклюзивный город (микрорайон)», создания институционализированных сетей, четкого распределения зон ответственности между государственными, общественными, бизнес структурами, активизации волонтерата. Только такие инклюзивно-ориентированные условия могут обеспечить преодоление социальной эксклюзии и соответственно дискриминации пожилого населения в реальной жизни.

Практический уровень социальной инклюзии предполагает самое активное вовлечение пожилых с их дифференцированными запросами, потенциалами, компетенциями, различным уровнем жизни и отношением к окружающему. Весь процесс целеполагания, определения конкретных путей достижения, создания инклюзивных планов, дорожных карт, организации мероприятий возможен только при участии пожилого населения и всех субъектов социального пространства с их ресурсами и потенциалом.

Обзор и анализ теоретических подходов в организации антидискриминационной практики работы с пожилыми будет не полным, если не обратить внимание на активно развиваемую в настоящее время в отечественной социологии *ресурсно-потенциальную модель*, базирующуюся на идеях европейских ученых (П. Бурдые, М. Кастельс, У. Бек, Д. Граски, Э. Соренсон и др.) [28]. В то же время характеризуя систему социальной защиты пожилых людей, отечественные ученые З.П. Замараева, О.С. Котыченко, В.М. Новоселов, Г.А. Телегина и др. [2] вводят такие понятия как личностный, институциональный и общественный ресурсный потенциал, раскрывают сущность технологий ресурсно-потенциального подхода как ресурсосберегающие, активизирующие и развивающие социальные практики работы с пожилыми людьми. В источниках литературы приводятся убедительные данные специальных социологических исследований, которые свидетельствуют об эффективности вышеуказанных практик, способствующих развитию у пожилых мотивации на самообеспечение, на развитие личностного ресурса и потенциала, на повышение их самооценки и улучшение качества жизни.

Модель социального участия предполагает активное обращение к современным технически ориентированным коммуникационным средствам общения и взаимодействия для пожилых людей [15, 16]. Понятие социального участия рассматривается как частная характеристика процесса социальной инклюзии. Оно определяется через такие показатели как многомерность, относительность и динамика. Многомерность социального участия характеризуется количеством личностных и социальных ресурсов, которыми обеспечен пожилой человек. Продолжая идеи П. Бурдые, Г. Кронауер, Х. Шрётер, Р. Ленц [12, 19] считают, что экономический капитал (заработная плата, другие доходы) обеспечивают доступ к товарам и услугам в сфере интернета. Культурный капитал (образование) и символический капитал (престиж, репутация) повышают возможность включения в виртуальную профессиональную занятость или способствуют авторитету в объединениях. Социальный капитал (общность и социальные сети, со-

лидарность) также усиливают личностные ресурсы в виртуальном взаимодействии. Многомерность социального участия предполагает обращение к средовым факторам (социальный контекст, инфраструктура – жилой квартал, доступ в интернет, близость и рациональная разветвленность схемы общественного транспорта). Относительность социального участия означает, что его следует рассматривать как процесс, который происходит сам собой и зависит от характера отношений и связей на местах. Речь идет о социальной практике, т.е. о готовности структур, о распределении, наличии или отсутствии информационно-коммуникационных ресурсов на местах. Например, важно знать, кто и по какой причине имеет доступ к интернету, а кто лишен этого доступа. Динамика социального участия указывает на ее зависимость от актуальных жизненных ситуаций, от индивидуальных биографий людей.

Факт принадлежности к определенному социальному слою также может выступать в качестве инклюзивного или эксклюзивного обстоятельства. Модель социального участия была апробирована в рамках специального проекта, в котором был сделан акцент на изучении характера доступности и пользования информационно-коммуникационными средствами в местах проживания пожилых [20, 21]. В результате был сделан аргументированный вывод о том, что просто овладение компьютерными технологиями недостаточно для активизации социального участия. Новые технологии (программные продукты, образовательные опции, обучающие средства, сайты и специальные коммуникационные виртуальные программы «Пространство для обмена») необходимо интегрировать в повседневную жизнь пожилого человека. Технически поддерживаемая коммуникация позитивно влияет на социальные структуры и в целом на социальное участие пожилых, которые активнее вступают в контакты, углубляют и расширяют свои личные связи.

Подобные исследования о характере влияния виртуальной включенности на социальное самочувствие пожилых осуществляются в настоящее время в разных странах. Так, например, в Швейцарии [29] из более двухсот пожилых участников 14% объяснили свою социальную исключенность и отчуждение от общества как определенную дискриминацию тем, что не умеют пользоваться интернетом. 33% обратили внимание на то, что, если их лишат возможности пользоваться интернетом, они будут чувствовать себя социально ущемленными и лишенными законных прав. В целом, в условиях, когда дигитализация (компьютеризация) проникает во сферы жизни современного общества, не удивительно, что пользование интернетом стало рас-

смагиваться как определенная «социальная норма жизни». По отношению к пожилым людям все чаще проблема социальной инклюзии увязывается с вопросами «дигитальной инклюзии» в «дигитальном обществе».

Заключение

Обобщая все высказанное по поводу формирования и развития инклюзивного подхода как теоретико-методологической базы решения проблемы преодоления геронтологического эйджизма в работе с пожилыми людьми в разных странах, следует отметить наличие значительного разнообразия в концептуальных моделях социальной инклюзии. В частности, нами выявлены пять концептуальных моделей: социально-экологическая, интеракционистская, ресурсно-потенциальная, модели социального пространства и социального участия. Анализ их содержания свидетельствует об актуализации государственных и общественных задач, с одной стороны, по раскрытию и усилению личностного потенциала пожилых людей, с другой стороны, по особому вниманию к пространственным характеристикам жизни, в частности, снижению средовых (инвайроментальных) барьеров, обеспечению доступности пространственно-предметной среды проживания со всеми ее санитарно-гигиеническими требованиями, материальными, архитектурными, социальными, природными, информационными ресурсами и потенциалом.

Конфликт интересов. Авторы не заявляют о конфликте интересов.

Информация о спонсорстве. Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ №20-513-00002Bel_a (проект БРФФИ-РФФИ М20Р-006).

Список литературы

1. Григорьева И.А., Бершадская Л.А., Дмитриева А.В. На пути к нормативной модели отношений общества с пожилыми людьми // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17, № 3. С. 151-167.
2. Замараева З.П. Ресурсно-потенциальный подход в системе социальной защиты населения: концептуальные основы. Часть 1 // Вестник Учебно-методического объединения вузов России по образованию в области социальной работы. 2014. № 1. С. 103-114.
3. Габрук В.В., Шлычкова М.В. Негативные геронтостереотипы населения и проблема социальной активизации пожилых людей // Russian Journal of Education and Psychology. 2014. № 5 (37). <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2014-5-4>

4. Климацкая Л.Г., Шпаков А.И., Зайцева О.И., Фуряева Т.В. Обоснование действий по минимизации геронтологического эйджизма согласно рекомендациям Всемирной Организации Здравоохранения // *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*. 2020. Т. 1, № 3. С. 94-107. <https://doi.org/10.12731/2658-6649-2020-12-3-94-107>
5. Колпина Л.В. Геронтологический эйджизм в практиках медицинского и социального обслуживания населения // *Социологические исследования*. 2015. № 5. С. 72-77. <http://socis.isras.ru/article.html?id=5219>
6. Курмышева Л.К. Эксклюзия как феномен жизни общества // *Психология, социология и педагогика*. 2015. № 3. С. 98-102. <https://psychology.snauka.ru/2015/03/4491>
7. Старцева О.Н., Ильницкий А.Н. Эйджизм и его преодоление в стационарных учреждениях социального обслуживания: методические рекомендации. М., 2018. 43 с.
8. Распоряжение П. Р. Ф. от 05.02.2016 № 164-р «Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года». <https://mintrud.gov.ru/docs/government/173>
9. Фуряева Т.В. Педагогика инклюзии за рубежом: теоретико-методологический дискурс (обзор) // *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. 2017. Т. 7, № 6. С. 152-174. <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1706.10>
10. Фуряева Т.В. Модели инклюзивного образования : учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2019. 176 с.
11. Amann A. Alter und Zukunft. Wissen und Gestalten. Forschungsexpertise zu einem Bundesplan für Seniorinnen und Senioren. Wien, 2012. 78 p.
12. Balz H.J., Benz B., Kuhlmann C. (Soziale) Inklusion–Zugänge und paradigmatische Differenzen // *Soziale Inklusion*. VS Verlag für Sozialwissenschaften, Wiesbaden, 2012. pp. 1-9.
13. Butler R.N. Age-Isim: Another Form of Bigotry // *The gerontologist*, 1969, vol. 9, no. 4, part 1, pp. 243-246. https://doi.org/10.1093/geront/9.4_Part_1.243
14. Bleck C., van Rießen A., Knopp R. (ed.). Alter und Pflege im Sozialraum: theoretische Erwartungen und empirische Bewertungen. Springer-Verlag, 2017. 134 p.
15. Biniok P., Menke I. Societal participation of the elderly: Information and communication technologies as a “Social Junction” // *Anthropology & Aging*, 2015, vol. 36, no. 2, pp. 164-181. <https://doi.org/10.5195/aa.2015.102>
16. Biniok P., Menke I., Selke S. Social inclusion of elderly people in rural areas by social and technological mechanisms // *Ageing and technology*, 2016, pp. 93.

17. Biniok P., Menke I., Selke S. Social Inclusion of Elderly People in Rural Areas by Social and Technological Mechanisms // In Domínguez-Rué E. & Nierling L. (Eds.), *Ageing and Technology: Perspectives from the Social Sciences*, 2016, pp. 93-118. <http://www.jstor.org/stable/j.ctv1xxrd.7>
18. Bundesministerium für Familie, Senioren, Frauen und Jugend. (). *Sechster Bericht zur Lage der älteren Generation in der Bundesrepublik Deutschland // Altersbilder in der Gesellschaft und Stellungnahme der Bundesregierung. (Drucksache / Deutscher Bundestag, 17/3815)*. Berlin, 2010. <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-49788-2>
19. Deutscher Verein für öffentliche und private Fürsorge e.V. *Eckpunkte des Deutschen Vereins für einen inklusiven Sozialraum*. 2011. <https://www.indiwi.de/wp-content/uploads/2015/11/DV-35-11-2.pdf>
20. Drilling M., Oehler P. (ed.). *Soziale Arbeit und Stadtentwicklung: Forschungsperspektiven, Handlungsfelder, Herausforderungen*. Springer-Verlag, 2013. 178 p.
21. Beck I., Greving H. *Lebenslage und Lebensbewältigung*. Kohlhammer Verlag, 2012. 178 p.
22. Graumann S., Offergeld J. *SeniorInnen in besonderen Lebenslagen - AdressatInnen Sozialer Arbeit?* // In K. Böllert, N. Alfert & M. Humme (Hrsg.), *Soziale Arbeit in der Krise*. Wiesbaden: Springer VS, 2013, pp. 185-200.
23. Klemm K. *Inklusion in Deutschland – eine bildungspolitische Analyse*, Gütersloh. Gütersloh: Bertelsmann, 2013. 156 p.
24. Jepkens K., Scholten L., van Rießen A. *Integration im Sozialraum: Theoretische Konzepte und empirische Bewertungen*. Springer Fachmedien Wiesbaden; Springer VS, 2020, 442 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-658-28202-8>
25. Eichler T.A.A., Holz G. *Inklusive Gesellschaft – Teilhabe in Deutschland: Aelter werden in Quartier – Sozialraumorientierte Unterstützung aelterer Menschen*.-Frankfurt am Main, 2014. 136 pp.
26. Landtag N. R. W. *Gesetzentwurf der Landesregierung: Gesetz zur Stärkung von Bildung und Erziehung. Schulrechtsänderungsgesetz*, 2003.
27. Reiser H. *Wege und Irrwege zur Integration // Integration und Sonderpädagogik. Referate der.*, 1991, pp. 13-33.
28. Van Rießen A. *Nutzen, Nicht-Nutzen und Nutzung Sozialer Arbeit: Theoretische Perspektiven und Empirische Erkenntnisse Subjektorientierter Forschungsperspektiven*. Springer-Verlag, 2020, 123 p.
29. Schallenberg-Diekmann R. et al. *Handbuch Inklusion: Grundlagen vorurteilsbewusster Bildung und Erziehung*. Verlag Herder GmbH, 2018, pp.145-148.
30. Seifert A., Misoch S. *Ältere Personen in der digitalen Gesellschaft // SozialAktuell*, 2016, vol. 48, no. 7/8, pp. 34-35. <https://www.ost.ch/fileadmin/>

dateiliste/3_forschung_dienstleistung/institute/iaf/publikationen/aelt._pers._in_der_dig_gesel.pdf

31. Technische Lösungen im Alter als Brücke zum Sozialen Nahraum // Hrsg. Kaiser P. Alter und Pflege im Sozialraum. Springer VS, Wiesbaden, 2018, pp. 283-302.

References

1. Grigoreva I.A., Bershadskeya L.A., Dmitrieva A.V. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, 2014, vol. 17, no. 3, pp. 151-167.
2. Zamaraeva Z.P. *Vestnik Uchebno-metodicheskogo obединeniya vuzov Rossii po obrazovaniyu v oblasti sotsial'noy raboty*, 2014, no. 1, pp. 103-114.
3. Gabruk V.V., Shlychkova M.V. *Russian Journal of Education and Psychology*, 2014, no. 5 (37). <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2014-5-4>
4. Klimatskaya L.G., Shpakov A.I., Zaytseva O.I., Furyaeva T.V. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*, 2020, vol. 1, no. 3, pp. 94-107. <https://doi.org/10.12731/2658-6649-2020-12-3-94-107>
5. Kolpina L.V. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2015, no. 5, pp. 72-77. <http://so-cis.isras.ru/article.html?id=5219>
6. Kurmysheva L.K. *Psikhologiya, sotsiologiya i pedagogika*, 2015, no. 3, pp. 98-102. <https://psychology.snauka.ru/2015/03/4491>
7. Startseva O.N., Ilnitskiy A.N. *Eydzhizm i ego preodolenie v statsionarnyykh uchrezhdeniyakh sotsial'nogo obsluzhivaniya: metodicheskie rekomendatsii* [Ageism and its overcoming in stationary social service institutions: guidelines]. M., 2018, 43 p.
8. *Rasporyazhenie P. R. F. ot 05.02.2016 № 164-r «Ob utverzhdenii Strategii deystviy v interesakh grazhdan starshego pokoleniya v Rossiyskoy Federatsii do 2025 goda»* [Order of P.R.F. from 05.02.2016 № 164-r “On approval of the Strategy of actions in the interests of citizens of the older generation in the Russian Federation until 2025”]. <https://mintrud.gov.ru/docs/government/173>
9. Furyaeva T.V. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2017, vol. 7, no. 6, pp. 152-174. <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1706.10>
10. Furyaeva T.V. *Modeli inklyuzivnogo obrazovaniya : uchebnoe posobie dlya bakalavriata i magistratury* [Models of Inclusive Education: A Study Guide for Undergraduate and Graduate Degrees]. Moscow: Yurayt Publ., 2019, 176 p.
11. Amann A. Alter und Zukunft. Wissen und Gestalten. Forschungsexpertise zu einem Bundesplan für Seniorinnen und Senioren. Wien, 2012, 78 p.
12. Balz H.J., Benz B., Kuhlmann C. (Soziale) Inklusion–Zugänge und paradigmatische Differenzen. Soziale Inklusion. VS Verlag für Sozialwissenschaften, Wiesbaden, 2012. pp. 1-9.

13. Butler R.N. Age-Ism: Another Form of Bigotry. *The gerontologist*, 1969, vol. 9, no. 4, part 1, pp. 243-246. https://doi.org/10.1093/geront/9.4_Part_1.243
14. Bleck C., van Rießen A., Knopp R. (ed.). *Alter und Pflege im Sozialraum: theoretische Erwartungen und empirische Bewertungen*. Springer-Verlag, 2017. 134 p.
15. Biniok P., Menke I. Societal participation of the elderly: Information and communication technologies as a “Social Junction”. *Anthropology & Aging*, 2015, vol. 36, no. 2, pp. 164-181. <https://doi.org/10.5195/aa.2015.102>
16. Biniok P., Menke I., Selke S. Social inclusion of elderly people in rural areas by social and technological mechanisms. *Ageing and technology*, 2016, pp. 93.
17. Biniok P., Menke I., Selke S. Social Inclusion of Elderly People in Rural Areas by Social and Technological Mechanisms. In Domínguez-Rué E. & Nierling L. (Eds.), *Ageing and Technology: Perspectives from the Social Sciences*, 2016, pp. 93-118. <http://www.jstor.org/stable/j.ctv1xxrwd.7>
18. Bundesministerium für Familie, Senioren, Frauen und Jugend. Sechster Bericht zur Lage der älteren Generation in der Bundesrepublik Deutschland. Altersbilder in der Gesellschaft und Stellungnahme der Bundesregierung. (Drucksache / Deutscher Bundestag, 17/3815). Berlin, 2010. <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-49788-2>
19. Deutscher Verein für öffentliche und private Fürsorge e.V. Eckpunkte des Deutschen Vereins für einen inklusiven Sozialraum. 2011. <https://www.indiwi.de/wp-content/uploads/2015/11/DV-35-11-2.pdf>
20. Drilling M., Oehler P. (ed.). *Soziale Arbeit und Stadtentwicklung: Forschungsperspektiven, Handlungsfelder, Herausforderungen*. Springer-Verlag, 2013. 178 p.
21. Beck I., Greving H. *Lebenslage und Lebensbewältigung*. Kohlhammer Verlag, 2012. 178 p.
22. Graumann S., Offergeld J. SeniorInnen in besonderen Lebenslagen - AdressatInnen Sozialer Arbeit? In K. Böllert, N. Alfert & M. Humme (Hrsg.), *Soziale Arbeit in der Krise*. Wiesbaden: Springer VS, 2013, pp. 185-200.
23. Klemm K. *Inklusion in Deutschland – eine bildungspolitische Analyse*, Gütersloh. Gütersloh: Bertelsmann, 2013. 156 p.
24. Jepkens K., Scholten L., van Rießen A. *Integration im Sozialraum: Theoretische Konzepte und empirische Bewertungen*. Springer Fachmedien Wiesbaden; Springer VS, 2020, 442 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-658-28202-8>
25. Eichler T.A.A., Holz G. *Inklusive Gesellschaft – Teilhabe in Deutschland: Aelter werden in Quartier – Sozialraumorientierte Unterstützung älterer Menschen*.-Frankfurt am Main, 2014. 136 pp.
26. Landtag N. R. W. *Gesetzentwurf der Landesregierung: Gesetz zur Stärkung von Bildung und Erziehung. Schulrechtsänderungsgesetz*, 2003.

27. Reiser H. Wege und Irrwege zur Integration. *Integration und Sonderpädagogik. Referate der.*, 1991, pp. 13-33.
28. Van Rießen A. Nutzen, Nicht-Nutzen und Nutzung Sozialer Arbeit: Theoretische Perspektiven und Empirische Erkenntnisse Subjektorientierter Forschungsperspektiven. Springer-Verlag, 2020, 123 p.
29. Schallenberg-Diekmann R. et al. Handbuch Inklusion: Grundlagen vorurteilsbewusster Bildung und Erziehung. Verlag Herder GmbH, 2018, pp.145-148.
30. Seifert A., Misoch S. Ältere Personen in der digitalen Gesellschaft. *SozialAktuell*, 2016, vol. 48, no. 7/8, pp. 34-35. https://www.ost.ch/fileadmin/dateiliste/3_forschung_dienstleistung/institute/iaf/publikationen/aelt_pers_in_der_dig_gesel.pdf
31. Technische Lösungen im Alter als Brücke zum Sozialen Nahraum. Hrsg. Kaiser P. *Alter und Pflege im Sozialraum*. Springer VS, Wiesbaden, 2018, pp. 283-302.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Фуряева Татьяна Васильевна, д-р пед. наук, профессор, зав. кафедрой социальной педагогики и социальной работы
Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
ул. Ады Лебедевой, 89, г. Красноярск, 660049, Российская Федерация
tat.fur130@mail.ru

Климацкая Людмила Георгиевна, д-р мед. наук, профессор, профессор кафедры социальной педагогики и социальной работы
Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
ул. Ады Лебедевой, 89, г. Красноярск, 660049, Российская Федерация
klimatskaya47@mail.ru

Фуряев Евгений Адольфович, канд. биол. наук, доцент кафедры высшей математики и компьютерного моделирования
Красноярский государственный аграрный университет пр. Мира, 90, г. Красноярск, 660049, Российская Федерация
evg.fur130@mail.ru

Шпаков Андрей Иванович, канд. мед. наук, доцент кафедры теории физической культуры и спортивной медицины
Гродненский государственный университет им. Янки Купалы ул. Ожешко, 22, г. Гродно, 230023, Республика Беларусь
shprakofff@tut.by

DATA ABOUT THE AUTHORS

Furiaeva Tatiana V., Dr. Sc. (Pedagogy), Professor, Head of the Department of Social Pedagogy and Social Work

*Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev
89, Ada Lebedeva Str., Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation
tat.fur130@mail.ru*

ORCID: 0000-0002-7709-1102

Klimatckaia Liudmila G., Dr. Sc. (Medicine), Professor, Professor of the Department of Social Pedagogy and Social Work

*Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev
89, Ada Lebedeva Str., Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation
klimatskaya47@mail.ru*

ORCID: 0000-0001-8926-2901

Furyaev Evgeny A., Cand. Sc. (Biology), Associate Professor of the Department of Higher Mathematics and Computer Modeling

*Krasnoyarsk State Agrarian University
90, Mira Ave., Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation
evg.fur130@mail.ru*

Shpakou Andrei I., Cand. Sc. (Medicine), Associate Professor of the Department of Theory of Physical Culture and Sports Medicine

*Yanka Kupala State University of Grodno
22, Ozheshko Str., Grodno, 230023, Republic of Belarus
shpakofff@tut.by*

ORCID: 0000-0003-4340-5211